

СССР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

20 " 11 1939 г.
№ 1123/6

г. МОСКВА

49 ✓ 5

СОВ. СЕКРЕТНО

ЦК ВКП(б) -

Товарищу СТАЛИНУ.

При этом направляем протокол допроса
арестованного ДАГИНА И.Я. от 14-го апреля
1939 года, до ареста - начальник Отдела
охраны НКВД СССР.

Приложение: по тексту.-

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СОЮЗА ССР:

Л. Б Е Р И Я.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

арестованного ДАГИНА Израиля Яковлевича.

ДАГИН И.Я., 1895 г.р., урож. гор. Мелитополь, быв. член ВКП/б/ с 1919 года. До ареста начальник Отдела Охраны НКВД СССР.

от 12-13-14 апреля 1939 г.

Вопрос:- На протяжении пяти с лишним месяцев вы упорно отрицали свою принадлежность к антисоветскому заговору.

Вам были даны очные ставки с арестованными б. наркомом Азербайджанской ССР РАЕВЫМ, б. начальником УНКВД по ДВК ГОРБАЧЕМ и б. начальником контрразведывательного отдела НКВД СССР НИКОЛАЕВЫМ, полностью изобличающими вас во вражеской работе.

Предлагаем немедленно прекратить заперательство и дать исчерпывающие показания по существу пред"явленного вам обвинения.

Ответ:- Перед лицом пред"явленных мне фактов я решил говорить правду, не скрывая больше своих преступле-

ний перед советской властью.

С 1935 года я являюсь участником антисоветской организации правых, в которую вовлечен бывшим секретарем Северо-Кавказского крайкома партии ЕВДОКИМОВЫМ Ефимом Григорьевичем.

Вопрос:- Откуда вам известен ЕВДОКИМОВ?

Ответ:- С ЕВДОКИМОВЫМ я познакомился в 1922 году в Севастополе, где он в то время лечился, а я работал начальником окружного отдела ОГПУ.

В 1924 году по предложению ЕВДОКИМОВА в соответствии с моим личным желанием я был переведен на работу в Пятигорск, заместителем начальника Губотдела.

У ЕВДОКИМОВА на Северном Кавказе уже тогда была своя группа близких ему людей, составлявших его окружение еще по прежней работе на Украине.

В окружение ЕВДОКИМОВА входили: ФРИНОВСКИЙ, КУРСКИЙ, НИКОЛАЕВ, ШАРОВ, Эльза ГРУДМАН, МАЛЫШЕВ, АЛЕХИН, МУККЕ, АНТОНОВ-ГРИЦЮК, ДЬЯКОВ, ВЕЙНШТОК, БУЛАХ, МАМЕНДОС, ДОЛГОНЯТОВ, братья ЛИСТЕНГУРТЫ, ПАНИН, ФОМИН, ПОПАШЕНКО, КРАФТ, МИХЕЛЬСОН и другие руководящие работники чекистского аппарата на Северном Кавказе.

Вся эта группа, крепко спаянная между собой и дружная в быту, являлась опорой ЕВДОКИМОВА и в разгово-

рах между собой величала его не иначе как "батька ЕВДОКИМОВ".

ЕВДОКИМОВ без разбора всех брал на работу в органы ВЧК - ОГПУ, не считаясь с социальным положением работника, с темными пятнами в его прошлом и поощрял бытовое разложение, которым особо отличалась евдокимовская группа.

Помню, что как то раз, когда я завел разговор о НИКОЛАЕВЕ, ЕВДОКИМОВ мне заявил: "НИКОЛАЕВ - ценный работник, моя правая рука. Подумаешь, служил НИКОЛАЕВ офицером, а сколько ему было тогда лет?. Вы еще можете сказать - продолжал ЕВДОКИМОВ, что АНТОНОВ - капитан царской армии. А ведь АНТОНОВ получил звание за боевые отличия. Это все-не в счет. МИРОНОВ тоже прапорщик времен КЕРЕНСКОГО, но кто этому придает значение",

ЕВДОКИМОВ, считая себя непревзойденным чекистом, десятки раз хвалился по поводу "шахтинского дела", вскрытого ЦК ВКП/б/ по сигналам рабочих, что это дело - его рук, что имя ЕВДОКИМОВА, тем самым вошло в историю. И тут же ЕВДОКИМОВ всячески опорачивал ту часть шахтинского дела, которая была вскрыта непосредственно на Украине.

Будучи непомерно высокого мнения о себе, ЕВДОКИМОВ такую же оценку давал своим людям, говоря о НИКОЛАЕВЕ,

- 4 -

что тот "врожденный разведчик", о КУРСКОМ, что у него глаз - "алмаз", о ГОФИЦКОМ, что у него "исключительная чекистская хватка" и т.д.

Своими установками на оперативных совещаниях ЕВДОКИМОВ размагничивал чекистский аппарат и ослаблял работу карательных органов.

Вопрос:- Что это за установки, которыми ЕВДОКИМОВ размагничивал чекистский аппарат?

Ответ:- ЕВДОКИМОВ еще в 1926 году на одном из оперативных совещаний, касаясь итогов операции по белым давал такие установки: "Ну, вот пришла пора секиру смазать и отложить в сторону, а взять в руки ланцет и действовать осторожно. Нам надо искать теперь только крупных сазанов".

В том же 1926 году по распоряжению ЕВДОКИМОВА были сданы в архив все дела на бело-бандитов, карателей и других врагов советской власти. В результате, карательные органы на Северном Кавказе перестали вести работу по разгрому кулацко-белогвардейской контрреволюции, почти безнаказанно орудовавшей в станциях.

ЕВДОКИМОВ в бытность свою на Северном Кавказе в разговорах со мной неоднократно высказывал откровенно правые настроения.

В острейший период классовой борьбы, в период ликвидации кулачества как класса /1931-32 г.г./ ЕВДОКИМОВ, работая уже в Москве, начальником секретно-оперативного управления ОГПУ, опорачивал и смазывал крупнейшие дела по кулацко-офицерским повстанческим формированиям. В частности, ЕВДОКИМОВ смазал дело "Весны", которое было вскрыто на Украине, дело "Паритет", по которому проходили видные военные работники комкоры ГОЛИКОВ и БАТОРСКИЙ, комдив КОЗИЦКИЙ, бывший начальник штаба СКВО ВЕРХОВСКИЙ и другие.

Об этом с возмущением мне рассказал ЛЕПЛЕВСКИЙ в 1931 году, добавив, что когда он привез на передпрос к ЕВДОКИМОВУ несколько арестованных, тот взял под сомнение все их показания.

В 1933 году вернувшись на Северный Кавказ, ЕВДОКИМОВ стал стягивать старые кадры, в том числе пригласил и меня в качестве своего заместителя по III ОГПУ.

Вопрос:- К какому периоду относится ваше возвращение в Ростов?

Ответ:- Я возвратился в Ростов в середине 1933 года. До этого я работал в Самаре заместителем полномочного представителя ОГПУ.

ЕВДОКИМОВ в Ростове меня встретил словами: "Ну вот, опять меня вернули в старые края. Другого такого

знатока, как ЕВДОКИМОВ, для этой части страны не нашлось".

В январе 1934 года, /после разделения края на два/, ЕВДОКИМОВ был избран секретарем краевого комитета партии, а меня выдвинул в качестве III ОГПУ края.

ЕВДОКИМОВ к этому времени еще более поправел и в кругу своих близких неоднократно высказывал свои сомнения в правильности политики партии и правительства.

Вопрос:- А с вами он вел разговоры в духе правых?

Ответ:- Да, вел.

Вопрос:- Какие?

Ответ:- Помню, что в середине 1934 года, в связи с развернувшейся по краю уборкой урожая и заготовками ЕВДОКИМОВ мне жаловался, что государство жмет во всю, что в центре не понимают особенностей края, что у колхозников не остается хлеба, что в результате неправильной политики партии они обречены на голод и нищету.

Эти откровенные правые настроения ЕВДОКИМОВ мне высказывал в 1934 году, вернувшись с Пленума ЦК ВКП/б/, на котором был обсужден вопрос об уборке и хлебозаготовках.

ЕВДОКИМОВ возвратился с Пленума ЦК не в духе, в виду того, что его в Москве резко раскритиковали по материалам, пересланным мною в Центральный аппарат ОГПУ.

ЕВДОКИМОВ немедленно вызвал меня к себе и спросил, почему я через его голову информирую Москву о недостатках в крае. "Вы меня подвели, - сказал ЕВДОКИМОВ - не к чему вам проявлять такое рвение".

Затем ЕВДОКИМОВ предложил мне впредь не информировать ЦК о недостатках в крае, а передавать все материалы ему для принятия мер на месте.

Я согласился выполнить указание ЕВДОКИМОВА и в своих информационных сообщениях для Москвы начал сглаживать недостатки, избегать острой критики положения в крае. Таким образом, я скрывал от ЦК ВКП/б/ действительное положение вещей.

Вопрос: Переходите к моменту непосредственного вовлечения вас в работу антисоветской организации.

Ответ: Выше я уже показывал, что вместе с ЕВДОКИМОВЫМ обманывал ЦК ВКП/б/, скрывая от него действительное положение в крае. Эти мои позиции позволили ЕВДОКИМОВУ в разговорах со мной перейти на большую откровенность.

Однажды, в начале 1935 года, обсуждая в беседе со мной положение в крае, ЕВДОКИМОВ стал говорить, что

настроения в деревне острые, вот-вот вспыхнет недовольство, которое может привести к открытой борьбе против советской власти.

В том же разговоре ЕВДОКИМОВ сделал вывод о непрочности колхозного строя, заявив, что "нам, местным работникам, изучившим особенности края, да и в целом деревню знающим лучше, чем ее знают москвичи, видно, что руководство партии и правительства взяло не тот крен, что вероятен вскоре полный крах в стране. За это говорит и международная обстановка".

Я согласился с ЕВДОКИМОВЫМ. Тогда ЕВДОКИМОВ открылся передо мной, заявив, что он руководит группой, состоящей, в большинстве, из чекистов, которая по своим политическим установкам ориентируется на правых, хотя глубоко законспирирована и открыто не высказывает своего согласия с позициями БУХАРИНА, РЫКОВА и ЯГОДЫ.

ЕВДОКИМОВ, далее, мне сказал, что он целиком и полностью рассчитывает на мою поддержку, будучи уверен, что в моем лице встретит преданного помощника. Я согласился и, таким образом, стал участником антисоветского заговора.

Вопрос: ЕВДОКИМОВ в разговоре с вами называл состав участников руководимой им антисоветской организации?

Ответ: Да, назвал. В том же разговоре, который послужил началом моей последующей вражеской работы, ЕВДОКИМОВ мне заявил, что его правые антисоветские установки разделяют КУРСКИЙ, работавший тогда моим заместителем, НИКОЛАЕВ - начальник КРО и Особого отдела, ЕРШОВ - начальник ЭКУ, ЖУПАХИН - начальник СПО, ДУБИНИН - начальник ИНФО, МИХЕЛЬСОН - начальник областной милиции, ПОПАШЕНКО - начальник Кубанского оперативного сектора, ТАРАСЮК - начальник Дагестанского УНКВД и ДОЛГОПЯТОВ - начальник Новочеркасского горотдела НКВД.

Впоследствии по антисоветской работе я связался с КУРСКИМ, со слов которого узнал об участии в заговорщической организации руководящих работников краевого управления НКВД: БУЛАХА, ДЕМЕНТЬЕВА, АНТОНОВА, ПАВЛОВА Власа, БУРДА и СЕРБИНОВА /последние четыре работали на периферии/.

ЕВДОКИМОВ имел своих людей, безоговорочно выполнявших его вражеские установки, и в партийно-советском аппарате.

После разделения края и организации его в новых границах /1934 год/, ЕВДОКИМОВ вернул в край и назначил на руководящие должности ряд видных в прошлом

-10-

буржуазных националистов, махровых правых: САМУРСКОГО - секретарем Дагестанского крайкома партии, Казбека БУТАЕВА - секретарем Северо-Осетинского обкома, Данилу ТАГОЕВА - председателем Северо-Осетинского Облисполкома, КУРДЫШЕВА - председателя Карачаевского облисполкома.

В 1935 году, ЕВДОКИМОВ вернул также на Северный Кавказ на должность председателя крайисполкома активно-го правого ПИВОВАРОВА, снятого по решению ЦК ВКП/б/ в 1932 году за провал работы в крае.

САМУРСКИЙ, БУТАЕВ и другие тоже стали стягивать близких себе людей, ранее снятых и откомандированных из национальных областей.

Со слов ЕВДОКИМОВА мне было известно об участии в нашей антисоветской организации и секретаря Кабардино-Балкарского обкома ВКП/б/ Бетал КАЛМЫКОВА.

Вопрос: Что вам известно о КАЛМЫКОВЕ?

Ответ: КАЛМЫКОВ находился в тесных связях с ЕНУКИДЗЕ, РУДЗУТАКОМ и ПОСТЫШЕВЫМ. Особенно близок он был с БУХАРИНЫМ, для которого устраивал специальные охоты с участием АНТОНОВА-ГРИЦКА, работавшего при КАЛМЫКОВЕ начальником УНКВД.

БУХАРИН в благодарность КАЛМЫКОВУ на страницах "Известий" всячески его расхваливал как "сына на-

-II-

рода и примерного партийного руководителя, приведшего к расцвету Кабардино-Балкарию".

КАЛМЫКОВ во вражеских целях, вопреки уставу сельхозартели и государственным законам, облапал колхозы неимоверными поборами, он развертывал свои "местные планы", за счет личных средств колхозников заставлял строить конюшни, закупать скот и даже строить город Нальчик.

Чтобы колхозы и районы восполняли свои затраты, он разрешил продавать кукурузу по спекулятивным ценам. Так, в 1935 году, только два района /Курбский и Терский/ заключили сделки на продажу по спекулятивным ценам свыше миллиона пудов кукурузы.

КАЛМЫКОВ окружил себя правыми и буржуазными националистами /ФАДЕЕВ, БУЛЧЕВ, НАСТУЕВ, БОРОВИЦКИЙ/ и беспощадно расправлялся со всеми честными коммунистами, разоблачавшими его вражескую работу, добивался через своего ручного человека АНТОНОВА - их ареста и осуждения.

КАЛМЫКОВ сеял среди колхозников национальную рознь, резко противопоставлял Кабардино-Балкарию другим национальным областям, опорачивал успехи последних, а внутри области Балкарию всячески ущемлял, в силу чего балкарские колхозы по уровню своего благосостояния и культуры резко отстали от кабардинских.

Такою же контр-революционную практику на Северном Кавказе осуществлял ЕВДОКИМОВ.

Вопрос: А именно?

Ответ: ЕВДОКИМОВ сознательно допускал перегибы провоцируя недовольство крестьян в деле коллективизации. Он начал по краю обобществлять лошадей, не имея конюшен и не подготовив конюхов. В результате в 1935 - 1936г.г. на Северном Кавказе имела место массовая сбриска скота, заболевание сапом и падеж лошадей. ЕВДОКИМОВЫМ поощрялось очковтирательство в севе, уборке и заготовках.

Во всех с/х. кампаниях постоянно наблюдалась спешка, кукурузу сеяли на много раньше срока, в результате чего резко снижался урожай, ломали кукурузу также раньше срока, что вызывало крупные потери, а доходность колхозов резко снижалась.

Нарушения устава с/х артели были повсеместными. За счет доходов колхозников строились дома исполкомов, благоустраивались районные центры, проводились различные колхозные совещания и слеты.

Вручение колхозам актов на вечное пользование землей заканчивалось традиционными банкетами, разорявшими колхозы. Свадьба знатного бригадира - комсо-

мольца ВЕЛИЧКО, на которой произносились речи и тосты в честь присутствовавшего на свадьбе "отцаКрая" ЕВДОКИМОВА разорила колхоз, а потерявший голову от успехов ВЕЛИЧКО утратил первенство и свой авторитет.

Когда ЕВДОКИМОВ возвратился из Москвы, награжденный орденом Ленина, то навстречу ему из Кабарды выехал /на Минводы или в Пятигорск/ эскадрон девушек с цветами. Это было празднество в евдокимовском стиле.

Партийные и советские кадры воспитывались в духе возвеличения ЕВДОКИМОВА, как "отца и благодетеля края".

ЕВДОКИМОВ при случае всегда хвалился своей непримиримостью к врагам, но эта его непримиримость была насквозь показной, являлась лишь маскировкой его собственной вражеской работы.

В период проверки партдокументов ЕВДОКИМОВ установил такую практику, когда в самом здании Крайкома допрашивались члены партии, проводились очные ставки, словом "работали по чекистски" по выражению самого ЕВДОКИМОВА.

В отчетах, посылаемых в ЦК ВКП/б/ и фигурировавших на пленумах крайкома, ЕВДОКИМОВ козерял тем, что им вскрыто много троцкистских группировок, но все эти его речи являлись сплошным обманом партии, в действительности же на руководящей работе ЕВДОКИМОВЫМ сознательно оставлялись троцкисты, правые и другие участники антисоветских групп.

ЕВДОКИМОВ был явно заинтересован в том, чтобы действовавшие в крае антисоветские формирования правых и троцкистов могли безнаказанно вести свою подрывную работу, направленную против партии и советского государства. В этих целях ЕВДОКИМОВЫМ были использованы проверка и обмен партийных документов, происходившие в краевой партийной организации в 1934-35 г.г.

Вопрос: Говоря подробно о вражеских установках и делах ЕВДОКИМОВА, вы, однако, вовсе умалчиваете о себе.

Скажите, в чем заключалась лично ваша антисоветская работа на Северном Кавказе?

Ответ: ЕВДОКИМОВ в конце 1935 г. после известной беседы, которой он закрепил мое вовлечение в заговорщическую организацию, дал мне задание сохранять от провала право-троцкистское подполье, а дела, которые будут все же возникать, вести как локальные, не давая им выхода на краевую организацию.

"Вскрывать надо умеючи, - говорил мне ЕВДОКИМОВ, - чтобы не задеть наших людей, не оплевать краевое руководство".

ЕВДОКИМОВ и сам делал все от него зависящее, чтобы не задевать правых, троцкистов и буржуазных национали-

стов. Так, в 1936 году УНКВД края располагало серьезными агентурными материалами о предательской работе председателя Карачаевского Облисполкома, бывшего пристава и одного из организаторов карачаевского кулацкого восстания Курмана КУРДЖИЕВА.

Однако, ЕВДОКИМОВ, вместо того, чтобы дать санкцию на арест КУРДЖИЕВА, 5 раз обсуждал это вопрос на бюро Крайкома, создавал специальные комиссии, подымая бесконечную заседательскую суетню и все для того, чтобы не дать провалиться КУРДЖИЕВУ.

Такие же серьезные агентурные материалы были и на секретаря Северо-Осетинского крайкома, троцкиста БУТАЕВА, на членов бюро Дагестанского обкома, активных правых ШОВКРИНСКОГО и КОЛЕСОВА, на председателя Крайисполкома, матерого правого ПИВОВАРОВА. Но все эти материалы ЕВДОКИМОВ замалчивал, никак на них не реагировал.

По заданию ЕВДОКИМОВА я в 1935 году добился общего ослабления агентурно-оперативной работы УНКВД Северо-Кавказского края, сделав упор на "мелких" преступлениях /антисоветская агитация/ и не вскрывая повстанческие, буржуазно-националистические и право-троцкистские формирования.

ЕВДОКИМОВ, чтобы облегчить мою вражескую работу, оттягивал руководящую чекистскую верхушку края на хо-

заяственно-политические кампании, без конца посылал чекистов уполномоченными крайкома в деревню на сев, уборку и заготовки с тем, лишь, чтобы ослабить оперативный аппарат УНКВД края.

Когда в Черкесской области было вскрыто дело ПСИ-ХОМАЕВА, грозящее разоблачением ког-кого из краевого руководства, я принял все меры к тому, чтобы придать локальный характер черкесскому делу.

Промышленность края, в частности "Грознефть" была подвержена неоднократным диверсиям и острому вредительству. Мне, в частности, было известно о том, что "Грознефть" засорена белогвардейско-кулацкими элементами и агентами иностранных разведок, однако, я не вел никакой борьбы со шпионами и диверсантами, орудовавшими в "Грознефти".

Агентура, не говоря уже о ее малочисленности, была засорена двойниками и дезинформаторами, но она сознательно мною почти не очищалась.

По заданию ЕВДОКИМОВА я проводил вербовочную работу, вовлекая новых участников в нашу заговорщическую организацию.

Вопрос: Каковы же результаты вашей вербовочной работы?

Ответ: Работая на Северном Кавказе я завербовал в антисоветскую организацию руководящих сотрудников краевого чекистского аппарата: РАЕВА, ГОРБАЧА, ЛАВРУШИНА, ЗАРИФОВА, ЛОМОНОСОВА и КОМАРОВА.

РАЕВА я хорошо знал еще с 1926 года, считал его "своим человеком", поэтому с РАЕВЫМ мог идти на полную откровенность, не рискуя быть разоблаченным.

РАЕВ разделял мои и ЕВДОКИМОВА правые установки и антисоветскую оценку положения в крае, особенно в деревне. На этой основе, в конце 1935 года я повел разговор с РАЕВЫМ о том, что для него очевидно, не составляет секрета факт существования в крае евдокимовской группы, которая в работе осуществляет свою линию, отличную от линии и установок партии. РАЕВ сказал, что обладает достаточным политическим опытом, чтобы видеть это и без моего предупреждения. Далее я заявил РАЕВУ, что евдокимовская группа не является локальной, что она связана с рядом руководящим работником за пределами края, снова сослался на авторитет ЕВДОКИМОВА, который способен на серьезную борьбу. Установив общность своих взглядов со взглядами РАЕВА, я завербовал его в заговорщическую организацию.

РАЕВ затем по моему указанию намеренно смазывал чекистскую работу в "Грознефти", предоставив диверсан-

там и шпионам действовать в этой важнейшей отрасли промышленности края.

Что касается ГОРБАЧА, который в 1925-1926г.г. работал моим заместителем в пятигорском окружном отделе ОГПУ, то его я также считал своим человеком. ГОРБАЧА я приближал к себе, влиял на него своим авторитетом, политически обрабатывал его в духе установок правых.

В конце 1935 года, зная уже о серьезных политических колебаниях, которые в беседах со мной высказывал ГОРБАЧ, я завербовал его в антисоветскую организацию и поручил ГОРБАЧУ, как своему официальному помощнику по УНКВД осуществлять вражеские установки на сужение размаха оперативной работы и смазывание дел по правым, троцкистам и буржуазным националистам.

От ГОРБАЧА я знал о его близости и правых настроениях ЛАВРУШИНА, который в связи с этим был мною взят на работу в Пятигорск. ЛАВРУШИНА мне рекомендовал ГОРБАЧ. Я прощупал политические настроения ЛАВРУШИНА, после чего повел с ним соответствующий разговор и в 1935 г. окончательно вовлек в работу нашей подпольной организации.

ЛАВРУШИНУ я поручил важнейший участок работы в УНКВД - Секретно-политический отдел, дав прямое зада-

ние смазывать дела в отношении правых и троцкистов, а в тех случаях, когда арестов избежать уже нельзя, вести дела, как локальные, не допуская разоблачения антисоветского центра, действовавшего в крае во главе с ЕВДОКИМОВЫМ.

Личный друг ГОРБАЧА-ЗАРИФОВ являлся моим секретарем и доверенным лицом. Повлияв на него своим авторитетом, обработав в антисоветском духе ЗАРИФОВА, я и его вовлек в нашу организацию.

От КУРСКОГО мне было известно о том, что им в свое время был обработан КОМАРОВ. В 1936 году, уезжая из края КУРСКИЙ мне передал на связь КОМАРОВА, как преданного нашему делу человека. В начале 1936 года, проверив настроения КОМАРОВА, убедившись в его политическом и бытовом разложении, я привлек КОМАРОВА к практической антисоветской работе.

ЛОМОНОСОВ, работавший в Дагестане, был мне известен, как правый. Все его сводки, присылаемые в Краевое управление НКВД, содержали явно неправильные выводы и правые оценки положения в деревне. Это дало мне основание рассчитывать на сравнительно легкую вербовку ЛОМОНОСОВА.

Я имел несколько бесед с ЛОМОНОСОВЫМ, в которых поддержал и укрепил его правые настроения, а в конце 1935 г. окончательно раскрылся перед ним, как участник антисоветской организации, возглавляемой ЕВДОКИМОВЫМ. ЛОМОНОСОВ пошел на вербовку и взял на себя выполнение ряда антисоветских заданий. В частности, по моим указаниям он смазывал дела на антисоветские повстанческие и буржуазно-националистические формирования по Дагестану и намеренно тормозил ликвидацию вредительских ячеек, существовавших на "Двигательстрое" и других крупных новостройках края.

Мне сейчас трудно вспомнить все факты своей вражеской работы по Северному Кавказу. Во всяком случае ЕВДОКИМОВУ, имея в моем лице поддержку краевого чекистского аппарата, было несравненно легче вести свою предательскую работу.

Как известно, в 1936 году Народным Комиссаром Внутренних Дел СССР был назначен Н.И. ЕЖОВ. Назначение ЕЖОВА ЕВДОКИМОВ встретил с большим удовлетворением. В беседе со мной тотчас же после назначения ЕЖОВА, ЕВДОКИМОВ сказал, что находится с ним в весьма близких отношениях.

ЕВДОКИМОВ мне стал хвалиться тем, что ЕЖОВ ему постоянно звонит и советуется с ним по ряду вопросов орга-

низации центрального аппарата и по чекистским кадрам. Больше того, ЕВДОКИМОВ мне говорил, что ЕЖОВ собирается взять его на работу в Москву, своим первым заместителем.

Знал ЕЖОВА и я, познакомившись с ним в Нальчике, где ЕЖОВ вместе со своей женой отдыхал в 1935 году.

Вопрос: Кто вас познакомил с ЕЖОВЫМ?

Ответ: ЕВДОКИМОВ, который представил меня, как своего ближайшего помощника по руководству краем.

В момент назначения ЕЖОВА Наркомом я был направлен в г. Горький начальником областного управления НКВД. Однако, ЕВДОКИМОВ в беседе со мной перед отъездом в Горький сказал, что это - временная мера, что он договорился с ЕЖОВЫМ о выдвижении меня на руководящую работу в центральный аппарат НКВД.

В этом же разговоре ЕВДОКИМОВ сказал, что убедившись в моей верности нашему общему делу, он намерен сообщить мне такие факты, которые откроют передо мной широкую картину связей заговорщической организации.

Далее, ЕВДОКИМОВ заявил, что в руководство нелегальной организации правых входит не только он - ЕВДОКИМОВ, но и ЕЖОВ со своими ближайшими помощниками - ФРИНОВСКИМ и ДЕЙЧЕМ. Что касается КУРСКОГО и НИКОЛАЕВА, которых ЕЖОВ взял на работу в Москву, то об их принад-

лежности к заговорщической организации мне, мол, было известно еще раньше со слов его - ЕВДОКИМОВА.

ЕВДОКИМОВ, таким образом, в конце 1936 года меня поставил в известность о причастности ЕЖОВА к антисоветскому заговору.

Вопрос: Вы точно помните, что ЕВДОКИМОВ вам называл ЕЖОВА, как руководящего участника антисоветского заговора?

Ответ: Да, я точно помню, что именно в конце 1936г. перед моим отъездом в гор. Горький, ЕВДОКИМОВ мне назвал ЕЖОВА, как руководящего участника антисоветского заговора.

Более того, работая в Москве, я сам был связан с ЕЖОВЫМ по совместной вражеской работе и могу привести ряд фактов, свидетельствующих о предательской роли ЕЖОВА в НКВД.

Вопрос: Приведите эти факты?

Ответ: ЕЖОВ, будучи назначен Народным Комиссаром Внутренних Дел, передоверил всю оперативную работу активным заговорщикам еще со времен ЯГОДЫ - ДЕЙЧУ, БУЛАНОВУ, НИКОЛАЕВУ, СЛУЦКОМУ, БЕРМАНУ и КУРСКОМУ, а на периферии - ЛЮШКОВУ, УСПЕНСКОМУ, ДМИТРИЕВУ и ЗАКОВСКОМУ.

По рекомендации ЕВДОКИМОВА ЕЖОВ стал выдвигать на руководящую чекистскую работу кадры Северо-Кавказских заговорщиков. Так им были выдвинуты ФРИНОВСКИЙ и КУРСКИЙ - заместителями Наркома, НИКОЛАЕВ - начальником контрразведывательного отдела. Я - ДАГИН - начальником отдела охраны, ВЕЙНШТОК - начальником Тюремного Управления, ЛАВРУШИН, ГОРБАЧ, РАЕВ, БУЛАХ, МИХЕЛЬСОН, ДЕМЕНТЬЕВ, ЛОМОНОСОВ и МАЛЫГИН - начальниками управления НКВД ряда краев и областей.

ЕЖОВ, с первых же дней своего прихода в НКВД, взял курс на сохранение и дальнейшее продвижение ягодинских кадров. К этим кадрам ЕЖОВ прибавил нас - северокавказцев, входивших в контр-революционную евдокимовскую группу. Кроме того, ЕЖОВ перетащил на работу в НКВД своих людей, преданных ему до конца и безоговорочно выполнявших его антисоветские установки. К таким относятся: - ЛИТВИН, ЖУКОВСКИЙ, ЦЕСАРСКИЙ и ШАПИРО.

Вопрос: Назовите персонально - кого из близких ЯГОДЕ ЕЖОВ сохранил на руководящей чекистской работе?

Ответ: Мне было известно, что ДЕЙЧ, БУЛАНОВ, БЕРМАН, УСПЕНСКИЙ, ЛЮШКОВ - были первыми людьми в

плеяде ЯГОДЫ. Все эти ягодинские люди, между тем, были в фаворе у ЕЖОВА. Они ему импонировали, являлись первыми советниками, постоянно бывали на приемах и даже внешним своим видом выглядели при ЕЖОВЕ солидней, чем при ЯГОДЕ.

Вскоре, после прихода ЕЖОВА в НКВД, началось продвижение этих людей и повышение их в званиях.

Борису БЕРМАНУ ЕЖОВ присвоил звание комиссара и послал его Наркомом в Белоруссию, такое же звание было присвоено ДМИТРИЕВУ и УСПЕНСКОМУ, причем, первый был назначен в Свердловск, а второй Наркомом на Украину. Что касается ЛЮШКОВА, то и он из Ростова был переведен ЕЖОВЫМ на Дальний Восток. Все они вместе с ЕЖОВЫМ, /по его представлению/ были награждены орденами Ленина.

Долго еще после ареста ЯГОДЫ, один из его самых приближенных людей - БУЛАНОВ, возглавлял Особое Совещание и получил орден Ленина, также по представлению ЕЖОВА.

ДЕЙЧ, занимавший высокое положение при ЯГОДЕ, остался на той же должности и при ЕЖОВЕ, по существу он был выше официальных заместителей Наркома и решал судьбы оперативно-чекистской работы.

Ягодинских людей ЕЖОВ не только продвигал, но и покрывал их, сохранял от провала.

Вопрос: Каким образом?

Ответ: Когда в апреле 1938 года был арестован заговорщик ЗАКОВСКИЙ и его заместитель по УНКВД Ленинградской области - ШАПИРО, то следствие по их делу ЕЖОВ поручил НИКОЛАЕВУ, работавшему несколько лет заместителем ЗАКОВСКОГО в Ленинграде.

Для нас, участников антисоветской организации, было тогда уже ясно, что ЕЖОВ этим шагом выручил не только НИКОЛАЕВА, но и ряд других заговорщиков, связанных с ЗАКОВСКИМ по Ленинграду.

Летом, 1937 года был арестован быв. секретарь Северо-Кавказского Крайкома РЯБОКОНЬ и б. член бюро крайкома ЧАСОВНИКОВ. Оба они показали на ГОРБАЧА, ЛАВРУШИНА, ДЕМЕНТЬЕВА и МИХЕЛЬСОНА, как участников организации правых. ЧАСОВНИКОВ к тому же показал и на меня, как на участника к-р заговора.

Тогда ЕЖОВ вместе с ФРИНОВСКИМ командировал на Северный Кавказ, ЛИТВИНА, якобы, для проверки показаний. ЛИТВИН, передопросив арестованных, добился у них отказа от показаний, после чего, РЯБОКОНЬ и ЧАСОВНИКОВ были привезены в Москву, где окончательно оформлен их отказ.

Дело РЯБОКОНЯ было закончено поспешно еще и потому, что он был близок к ЕЖОВУ и ЛИТВИНУ по совместной работе в Казахстане.

От ШАПИРО и ЛИТВИНА мне известно, что арестованный, в августе 1938 г. в Ростове ДАШКО перед расстрелом дал показания на ЕВДОКИМОВА и ряд других участников, созданной последним на Северном Кавказе заговорщической организации.

ДАШКО был перевезен в Москву, допрашивался лично ЕЖОВЫМ и вскоре был расстрелян. ЕЖОВ не дал ходу показаниям на ЕВДОКИМОВА и его соучастников.

Я давно слышал, что из Тбилиси были присланы показания ЛОРДКИПАНИДЗЕ на ЛЮШКОВА, ДМИТРИЕВА и ВЕЙНШТОКА. Тем не менее, ЕЖОВ выдвигал ЛЮШКОВА и ДМИТРИЕВА, а будучи назначен наркомом Водного транспорта, взял к себе в заместители ВЕЙНШТОКА.

В свете этих фактов прямым двурушничеством звучат слова ЕЖОВА, которые он повторял после побега ЛЮШКОВА за границу: "Люшковых мне навязали, я их не знал..."

Имелись компрометирующие материалы и на людей, составлявших непосредственное окружение ЕЖОВА.

Вопрос: Вам известны эти компрометирующие данные на близких ЕЖОВУ?

Ответ: Да, известны. Со слов ШАПИРО мне было известно, что на ЛИТВИНА, которого ЕЖОВ прочил в свои заместители /вместо ФРИНОВСКОГО/ поступили из Куйбышева не то прямые показания, не то компрометирующие дан-

ные об антисоветских связях ЛИТВИНА с ПОСТЫШЕВЫМ.

Тот же ШАПИРО воткрытую при мне возмущался тем, что из Барнаула ПОПОВ /начальник УНКВД/ прислал протокол допроса по которому проходил ЦЕСАРСКИЙ. Несмотря на то, что ЦЕСАРСКИЙ примыкал в прошлом к эсерам, он был выдвинут ЕЖОВЫМ на работу начальника Секретно-политического отдела НКВД, а затем начальником управления УНКВД по Московской области.

Мне также известно со слов не то ФРИНОВСКОГО, не то ШАПИРО, что имелись показания и на троцкиста ЖУКОВСКОГО, взятого ЕЖОВЫМ на работу заместителя Наркома Внутренних дел.

Я знал, что КОНЕВЕЦ, работавший заместителем начальника Административно-хозяйственного управления НКВД подав ЕЖОВУ заявление на ЖУКОВСКОГО о его троцкистском прошлом, антисоветских связях и темных махинациях по работе в НКВД. Однако, ЖУКОВСКОГО не трогали, что же касается КОНЕВЦА, то он вскоре после своего заявления был арестован и расстрелян.

Далее я хочу подробно остановиться на ФРИНОВСКОМ и его особой роли в нашей заговорщической организации.

Вопрос: Из чего вы заключаете о причастности ФРИНОВСКОГО к антисоветскому заговору?

Ответ:- Со слов ЕВДОКИМОВА мне еще с 1935 года известно о причастности ФРИНОВСКОГО к антисоветской организации. ФРИНОВСКИЙ был особо близок к ЕВДОКИМОВУ, много лет работал с ним на Украине, Северном Кавказе и в Москве. .

ЕВДОКИМОВ в 1935 году передал мне, что будучи у ФРИНОВСКОГО в Москве и делаясь с ним положением в крае, он откровенно высказывал ФРИНОВСКОМУ свои антисоветские правые взгляды.

ЕВДОКИМОВ - по его словам - говорил ФРИНОВСКОМУ, что политика партии в деревне неправильна, а колхозы влачат жалкое существование, что партия ведет деревню к краху. ФРИНОВСКИЙ разделял эти правые установки ЕВДОКИМОВА.

Вопрос:- В чем все-таки заключалась "особая", по вашим словам, роль ФРИНОВСКОГО в контрреволюционном заговоре?

Ответ:- ФРИНОВСКИЙ, как я уже показывал, был связан с ЕВДОКИМОВЫМ и остальными северо-кавказскими заговорщиками. С другой стороны, ФРИНОВСКИЙ был тесно связан с кадрами ЯГОДЫ, хотя в свое время, когда влияние последнего пошатнулось, ФРИНОВСКИЙ отмежевался от ЯГОДЫ, стал внешне демонстрировать свою неприязнь к нему,

- 29 -

играть в своего рода "оппозицию".

Вместе с тем, со слов ЕВДОКИМОВА мне известно, что неприязнь ФРИНОВСКОГО к ЯГОДЕ была деланной, что ФРИНОВСКИЙ как был, так и остался человеком ЯГОДЫ.

ФРИНОВСКИЙ был также связующим звеном между нами - северо-кавказцами, ягодинцами типа ЛЮШКОВА и ДМИТРИЕВА и ежовскими людьми - ЛИТВИНЫМ, ЦЕСАРСКИМ и ШАПИРО.

В этом и заключались своеобразные позиции ФРИНОВСКОГО в нашей заговорщической организации.

На протяжении последних двух лет ФРИНОВСКИЙ в неоднократных разговорах со мной высказывал свои сомнения по делам, вскрытым НКВД. Он говорил: "с трудом верится, что ДУБОВОЙ - враг, что он убил ЩОРСА. Ведь ЩОРС был лучшим другом ДУБОВОГО".

По поводу ареста близкого ФРИНОВСКОМУ - КРАФТА, одного из руководящих работников Главного Управления пограничных войск, ФРИНОВСКИЙ говорил: "Эх, КРАФТ, признанся в шпионаже. А какой он - шпион"?

ФРИНОВСКИЙ чрезвычайно нервозно воспринял аресты заговорщиков из руководящей части Главного Управления пограничных ив внутренних войск НКВД. Особенно он был взбудоражен арестом РОШАЛЯ - б.начальника полит.отдела пограничных войск.

По указанию ЕЖОВА дело на заговорщиков - пограничников велось, как локальное, вне связи с ФРИНОВСКИМ, ко-

торый между тем, был фактически руководителем заговора внутри пограничных войск.

ФРИНОВСКИЙ не дал арестовать северо-кавказцев - заговорщиков ЕМЕЦА, ШАРОВА и ПАПАШЕНКО, на которых были прямые показания. Больше того, известных ему чекистов ВОЛКОВА /б/ начальник СПО УНКВД СКК/ и КОЛЕСНИКОВА /быв. начальник АХУ НКВД Казахстана/ ФРИНОВСКИЙ освободил из под стражи.

За спасением к ФРИНОВСКОМУ обращались многие; помню, что заявлениями ряда коммунистов руководящие работники отдела Охраны НКВД ГУЛЬКО, ПАВЛОВ и ГОЛУБЕВ изобличались в покровительстве троцкистов и во вражеских связях. ФРИНОВСКИЙ, однако, взял под свою защиту ГУЛЬКО, ПАВЛОВА и ГОЛУБЕВА.

В конце 1937 года он вызвал меня к себе и стал ругать, заявив: "ничего серьезного в этом деле нет, зачем же ты допускаешь, чтобы ГУЛЬКО и других без конца теребили? Я сам допрашивал ПАУКЕРА и ВОЛОВИЧА, но они ничего не показывают в отношении ГУЛЬКО, ЕЖОВ - такого же мнения о ГУЛЬКО".

ФРИНОВСКИЙ, как и ЕВДОКИМОВ были старыми друзьями троцкиста ЛИФШИЦА. Не случайно дело ЛИФШИЦА было поручено КУРСКОМУ, который тоже его знал по Украине и должен был повести это следственное дело, как локальное, не затронув связей ЛИФШИЦА с ФРИНОВСКИМ и ЕВДОКИМОВЫМ.

ФРИНОВСКИЙ не допускал провала своего близкого приятеля - КАРУЦКОГО.

В начале 1938 года КАРУЦКИЙ под большим секретом был арестован, но через 5-7 дней освобожден. Я спросил у ФРИНОВСКОГО, что все это значит? На это ФРИНОВСКИЙ мне ответил: " мы с ЕЖОВЫМ его разыграли, решили поугатать, чтобы он бросил пить".

Вскоре после своего освобождения из тюрьмы КАРУЦКИЙ был назначен Начальником УНКВД по Московской области. /Впоследствии он застрелился/.

Весной 1937 года на даче Л.М.КАГАНОВИЧА возник пожар. Расследование причин возникновения пожара, о котором ЦК ВКП/б/ имел суждение, как о диверсионном акте, ЕЖОВ поручил ФРИНОВСКОМУ и КУРСКОМУ, которые смазали дело, свели все к случайности.

ФРИНОВСКИЙ являлся основным помощником ЕЖОВА по вражеской работе, которая состояла, во-первых, в создании широко разветвленной организации заговорщиков и, во-вторых, в сознательном искривлении карательной политики советской власти в целях провоцирования недовольства населения и истребления партийно-советских кадров.

В этих же целях ЕЖОВ и ФРИНОВСКИЙ намеренно расширяли рамки массовых операций по буржуазно-националистическим контрреволюционным формированиям с тем, чтобы

репрессировать невинных людей. ЕЖОВ с ФРИНОВСКИМ установили практику "лимитов", предоставляемых органам НКВД на местах, в соответствии с которыми было арестовано и осуждено огромное количество лиц, совершенно не причастных к вражеской работе.

По прямым указаниям ЕЖОВА и ФРИНОВСКОГО широкий размах получила практика фальсификации показаний и следственных дел, путем избияния и применения других, еще более острых методов допроса.

Со слов ШАПИРО, мне было известно о том, что все массовые сигналы об извращениях и перегибах в работе органов НКВД, ЕЖОВ ложил под сукно, не доводил о них до сведения ЦК ВКП/б/.

ЕЖОВЫМ в еще большей степени, чем ЯГОДОЙ проводились антисоветские установки на отрыв органов НКВД от партии, противопоставление их партии и прямой обман ЦК ВКП/б/ и советского правительства.

Вопрос:- Вы говорите общими фразами, а следствие интересуется фактическая сторона дела. Остановитесь на известных вам фактах прямого обмана руководящих партийных органов со стороны ЕЖОВА.

Ответ:- Вот эти факты. В конце августа 1938 года ФРИНОВСКИЙ мне рассказывал, что крупнейший наш агент, выполнявший специальные задания за границей, о которых знал лично СТАЛИН, предал НКВД и не вернулся в Советский

Союз.

Тот же ФРИНОВСКИЙ мне, далее, сообщил, что ЕЖОВ скрыл этот факт, не доложил о нем ЦК ВКП/б/.

Весной прошлого года, ЕЖОВ получил докладную записку о провокационной работе БУЛАХА в Орджоникидзевском крае, БУЛАХ в ряде районов арестовал почти поголовно всех коммунистов и активистов-колхозников. ЕЖОВ, получив докладную записку о массовых извращениях в оперативно-следственной работе по Орджоникидзевскому краю не довел ее содержание до сведения ЦК ВКП/б/. Он скрыл также от руководящих партийных органов перегибы, которые имели место в работе органов НКВД не только по Орджоникидзевскому, но и по ряду других краев и областей. ЕЖОВ, в частности, скрыл сигналы, поступившие из Свердловской и Калининской областей об извращениях в ходе массовых операций. Когда особенно остро встал вопрос о преступной ростовской практике, ЕЖОВ в середине 1938 года послал в Ростов "своего человека" ЛИТВИНА, поручив ему смазать дело", не дать ему хода.

Как обставлялись очные ставки, на которых по решению ЦК присутствовали члены политбюро? Об очных ставках заранее предупреждали всех следователей, которые не переставали "накачивать" арестованных, вплоть до самого момента очной ставки. Больше всех, обычно, вол-

новался сам ЕЖОВ. Он вызывал к себе следователей, выясняя - не сдадут ли арестованные, интересовался не существом самого дела, а только тем, чтобы следствие не ударило лицом в грязь, чтобы арестованные не вздумали отказать от показаний. Уговоры и запугивание продолжались в комнатах, где рассаживали арестованных уже перед самым вызовом на очную ставку.

Известные мне очные ставки в присутствии членов политбюро готовили такие мастера фальсификации, как НИКОЛАЕВ, ЛИСТЕНГУРТ, УШАКОВ и РЕЙХМАН /все арестованы/.

Накануне очных ставок, срочно заготавливались новые протоколы, подкреплявшие те показания, которые должны были дать арестованные на самой очной ставке, тоже самое делалось и после очной ставки.

Помню, что подобная фальсификация, предшествовала очным ставкам, которые в разное время давались МАРИЦКОВУ /заместитель начальника Ген.штаба РККА/, комкору АНТОНЮКУ, зам.наркома Оборонной промышленности ТЕВОСЯНУ.

ЕЖОВ, сохраняя от провала заговорщиков, стремился наряду с этим опорочить, очернить честных людей. Эта вражеская ежовская линия сказалась на всей работе органов НКВД не только в центре, но и на местах.

Вместе с тем, ЕЖОВ внешне высказывал себя беспощадным к врагам, ненавидимым ими.

В частности, "отравление" ЕЖОВА, которое должно было его представить в выгодном свете, было инсценировано самим ЕЖОВЫМ и его подручными - ДЕЙЧЕМ и НИКОЛАЕВЫМ.

Вопрос:- Остановитесь подробно на обстоятельствах "отравления" ЕЖОВА.

Ответ:- В начале 1937 года ЕЖОВ стал повсюду распространять версию, что он отравлен, что у него выпадают волосы на голове и ногти на ногах, что у него во рту постоянно ощущение ртути.

ДЕЙЧ услужливо подхватил эту версию и поручил мне как только я был назначен начальником отдела охраны /в конце апреля 1937 г. / следить за анализом воздуха кабинета, квартиры и дачи ЕЖОВА, а также анализами мочи ЕЖОВА.

По версии ЕЖОВА и ДЕЙЧА, отравление было произведено одновременно в кабинете, на квартире и на даче ЕЖОВА и являлось делом рук ЯГОДИ. В то же время НИКОЛАЕВУ спешно было дано задание следственным путем выяснить причины и виновников "отравления".

НИКОЛАЕВ не замедлил "отыскать" виновника, им оказался арестованный БУЛАНОВ. Я обратился к НИКОЛАЕВУ с

просьбой ознакомить меня с материалами расследования, но НИКОЛАЕВ ограничился кратким сообщением о том, что отравление организовано БУЛАНОВЫМ по заданию ЯГОДЫ. Я спросил НИКОЛАЕВА: ну, хорошо, оказался отравленным кабинет ЕЖОВА, а дача и квартира? Как туда попала ртуть? Однако, НИКОЛАЕВ и тут ограничился лаконическим сообщением о том, что отравление квартиры, опять таки, дело рук ЯГОДЫ.

Вместе с ЕЖОВЫМ его жена - Евгения Соломоновна стала всюду трезвонить, что и она отравлена ртутью. Я осведомился у лечивших ЕЖОВА профессора ВИНОГРАДОВА и доктора ЗИПАЛОВА при каких обстоятельствах ртуть может появиться в организме человека? Они мне разъяснили, что отравление бывает при лечении ртутными уколами сифилиса и других болезней.

ЕЖОВ мне говорил, что на почве отравления у него выпадают зубы и вылезают ногти, но когда я познакомился с историей болезни ЕЖОВА, хранившейся в Кремлевской больнице, то увидел, что зубы и ногти стали выпадать у ЕЖОВА задолго до 1937г. , т.е. до момента пресловутого "отравления" ЕЖОВА.

Вся эта история с "отравлением" была, на мой взгляд, инсценировкой, проведенной ЕЖОВЫМ с помощью ДЕЙЧА и НИКОЛАЕВА, этих мастеров на все руки по части фальси-

фикации, обмана и выслуживания перед начальством.

Вопрос: Из ваших показаний следует, что так называемое "отравление" было сплошь инсценировано НИКОЛАЕВЫМ и ДЕЙЧЕМ. Не ясно, однако, какие цели преследовала эта инсценировка?

Ответ: Подобная инсценировка явилась саморекламой, должна была представить ЕЖОВА в героическом свете, пострадавшим от руки заговорщиков.

ЕЖОВ всегда кичился своей беспощадностью к врагам народа.

Так, в марте 1938 года, во время приведения в исполнение приговора в отношении ЯГОДЫ, ЕЖОВ мне специально поручил перед самым расстрелом ЯГОДЫ, побить его. ЕЖОВ сказал при этом: "А ну-ка дей ему /ЯГОДЕ/ за всех нас". Выходя из помещения, в котором приводился в исполнение приговор над ЯГОДОЙ, ЕЖОВ стал опять жаловаться, что ему "плохо на почве отравления, совершенного по директиве ЯГОДЫ".

Вместе с тем, ЕЖОВ велел БУЛАНОВУ перед расстрелом дать коньяку, а в последующих разговорах со мной весьма сожалел и переживал по поводу расстрела своего собутыльника - БУЛАНОВА.

В этой связи я припоминаю и другой эпизод, относящийся к осени 1937 года.

Перед расстрелом своего приятеля в прошлом ЯКОВЛЕВА, ЕЖОВ поставил его рядом с собой - наблюдать за приведением приговора в исполнение. Помню, что ЯКОВЛЕВ, став рядом с ЕЖОВЫМ, обратился к нему со следующими словами: "Николай Иванович! Вижу по твоим глазам, что ты меня жалеешь". ЕЖОВ ничего не ответил, но заметно смутился и тот-час же велел расстрелять ЯКОВЛЕВА.

Особую нервозность ЕЖОВ стал проявлять с августа прошлого года в связи с приходом на работу в НКВД Л. П. БЕРИЯ.

ЕЖОВ тогда находился в крайне возбужденном состоянии; почти десять дней кряду пил запоем, затем, явившись в Наркомат, стал специально "подчищать" дела.

В конце августа 1938 года ЕЖОВ вызвал меня к себе в кабинет. В кабинете на его столе была разложена картошка и большое количество бумаг, на каждой из которых значилась определенная фамилия. Я постоял у стола несколько минут, во время которых ЕЖОВ перебирал, читал некоторые документы, которые тут-же рвал и бросал в корзину. Затем ЕЖОВ, подав мне папку с материалами, сказал: "возьмите, здесь вот материалы на ГУЛЬКО. Сумеете их расследовать?" Я сказал, что расследую.

После разговора с ЕЖОВЫМ мне стало ясно, что материалы, которые находились у него в кабинете, представляли собой компрометирующие данные на сотрудников, которые

он тут-же уничтожал. ЕЖОВ рвал бумаги на второй-третий и следующий день, когда я заходил к нему в кабинет. Он "подчищал" свои дела.

Помню, что однажды я по какому-то вопросу зашел в кабинет к ФРИНОВСКОМУ. Его в этот момент в кабинете не было, он ушел к ЕЖОВУ. ФРИНОВСКИЙ вернулся от ЕЖОВА в крайне возбужденном состоянии. Он резким движением бросил свои бумаги на стол, сказав: "так передрейфил, что с ума сошел человек. Знаешь, что он сейчас предложил мне?! Протокол допроса ТКАЛУНА, в котором речь идет о Шуре Виноградовой, а вместе с ней о сотруднике охраны БРЮХАНОВЕ, ЕЖОВ мне предложил вообще уничтожить".

Вопрос: Когда происходил этот Ваш разговор с ФРИНОВСКИМ?

Ответ: В первых числах сентября прошлого года.

В последующем, когда мне был прислан протокол допроса ТКАЛУНА, в нем действительно не оказалось той части, в которой речь шла о вражеской работе БОЮХИНОВА. ЕЖОВ этот протокол уничтожил, приказав начальнику Особого отдела ФЕДОРОВУ, с его слов, предоставить другой протокол допроса ТКАЛУНА.

Вопрос: Известно ли вам какими побуждениями была вызвана прямая фальсификация протокола допроса ТКАЛУНА?

Ответ: Дело в том, что ТКАЛУН, работавший комендантом Кремля показывал в отношении ряда заговорщиков, продолжающих оставаться в личной охране руководителей партии и правительства. Поэтому ЕЖОВ, предвидя неприятности, связанные с тем, что не были арестованы лица, проходящие по показаниям ТКАЛУНА, счел возможным пойти на прямую фальсификацию протокола допроса ТКАЛУНА.

Помимо известных мне фактов предательской работы ЕЖОВА, я должен привести несколько моих прямых разговоров с ним, как с руководителем антисоветского заговора.

Вопрос: Изложите содержание ваших заговорщических бесед с ЕЖОВЫМ?

Ответ: В августе 1937 года, зайдя к ЕЖОВУ, я обратился к нему с вопросом - как мне быть со старыми ягодинскими кадрами в отделе охраны, в частности, с ГУЛЬКО, ПАВЛОВЫМ, ЛАЗЕБНЫМ, ГОЛУБЕВЫМ, УСОВЫМ и др. Я сказал ЕЖОВУ: "всем было известно, что эти люди составляли непосредственное окружение ЯГОДЫ и ПАУКЕРА, находились с ними в близкой бытовой и политической связи". На это ЕЖОВ мне сказал, что, торопиться не следует, тем более, что во всех других отделах сидят такие же люди, как ГУЛЬКО. Они еще понадобятся", - сказал ЕЖОВ и прстально посмотрел на меня.

Зная со слов ЕВДОКИМОВА о ЕЖОВЕ, как о руководителе контрреволюционного заговора, хорошо изучив личные качества самого ЕЖОВА, который не отличался большой словоотливостью, я его слова воспринял, как прямую директиву о сохранении в интересах заговора старых ягодинских кадров. После этого на партийных конференциях и в кругу сотрудников я выступал с прямой защитой ГУЛЬКО, ПАВЛОВА и ГОЛУБЕВА.

Второй мой разговор с ЕЖОВЫМ относится к лету 1937 года.

ЕЖОВ, вызвал меня к себе на квартиру после мало-значущей беседы по частным вопросам, стал вдруг жаловаться на тяжелое состояние духа. Я спросил ЕЖОВА - чем объясняется его столь мрачное настроение?

ЕЖОВ тогда стал очень осторожно обрабатывать меня в террористическом направлении. ЕЖОВ не был пьян. Вначале я подумал, что он меня проверяет, но в словах ЕЖОВА я не замечал и тени какой-либо проверки. ЕЖОВ мне сказал, примерно следующее: "для Вас, ДАГИН, не секрет, что я связан с ЕВДОКИМОВЫМ политически и организационно. Мы с ним - люди одного общего дела. Но вот за последнее время - продолжал ЕЖОВ, мое положение пошатнулось. Я чувствую недоверие к себе со стороны СТАЛИНА, МОЛОТОВА и других членов политбюро. Должен Вам откровенно сказать, что я опасаюсь за себя и за наших людей."

Далее ЕЖОВ поделился со мной материалами, которые поступили непосредственно в ЦК ВКП/б/ о вражеской работе и антисоветских связях ЕВДОКИМОВА, на которого имелись уже и прямые показания. Возможный арест ЕВДОКИМОВА сказал ЕЖОВ, повлечет за собой провал всех нас".

Затем ЕЖОВ повел со мной разговор о необходимости физического устранения СТАЛИНА с помощью людей, которых я привез с собой в отдел охраны с Северного Кавказа. В детали плана насильственного устранения руководителей партии и правительства ЕЖОВ не входил, предложив мне все обдумать. Однако, больше к вопросу о терроре в разговорах со мной ЕЖОВ не возвращался.

Вопрос: А сами вы перед ЕЖОВЫМ вопросов террора не ставили?

Ответ: Нет.

Вопрос: А перед другими участниками заговора?

Ответ: Я заявляю, что по вопросу о терроре больше ни с кем из участников антисоветской организации я не говорил.

Вопрос: Вы снова возвращаетесь на путь обмана. Предупреждаем Вас, что всякая ваша попытка скрыть какую либо сторону своей предательской работы будет разоблачена.

Ответ: Я говорю только правду.

Мой последний, заслуживающий внимания, разговор с ЕЖОВЫМ произошел перед самым моим арестом. Как то раз в конце октября или начале ноября 1938 года я задержался в Кремле по служебным делам. Узнав, что ЕЖОВ не спит /это было, примерно, в шесть часов утра/ я позвонил к нему. По голосу ЕЖОВА мне стало ясно, что он находился в состоянии сильного опьянения.

ЕЖОВ пригласил меня к себе на квартиру. Я зашел к ЕЖОВУ. У него находился его приятель КОНСТАНТИНОВ, имеющий звание комиссара дивизии, ленинградец. ЕЖОВ познакомил нас, после чего КОНСТАНТИНОВ, тоже изрядно выпивший, стал хвастаться своей давнишней дружбой с ЕЖОВЫМ и рассказывать эпизоды из времен гражданской войны, в которой он участвовал вместе с ЕЖОВЫМ.

ЕЖОВ вдруг пристально посмотрел на меня и сказал, заскрежетав зубами, и сжав кулак: "тяжело, очень тяжело! А этот НИКОЛАЕВ, сводочь, на всех показывает.... Будем резать его на куски...

Был у меня такой приятель - МАРЬЯСИН, - продолжал ЕЖОВ. Вместе с ним работал я в ЦК. МАРЬЯСИН пошел против нашего дела и за то по моему приказанию его каждый день били. Дело МАРЬЯСИНА было давно закончено, назначено к слушанию, но каждый раз откладывалось по моему распоряжению для того, чтобы продолжать избивать МАРЬЯСИНА. Я

велел отрезать ему ухо, нос, выколоть глаза, резать МАРЬЯ-СИНА на куски. И так будет со всеми"...

Слова ЕЖОВА были неприкрытой угрозой по моему адресу.

Понимая ЕЖОВА с полуслова, я воспринял этот его рассказ как прямое предупреждение по моему адресу, в случае ареста - молчать, не выдавать его и других участников нашего предательского сговора против партии и советского государства.

Вопрос: Вы, все-таки, недоговариваете о своей подрывной и террористической работе в отделе охраны НКВД, не выдаете еще неразоблаченных заговорщиков. По этому вопросу вы будете допрошены особо.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано -

И.ДАГИН.

ДОПРОСИЛИ: ПОМ НАЧ СЛЕДЧАСТИ НКВД
КАПИТАН ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ - /ШВАРЦМАН/

СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ НКВД
ЛЕЙТЕНАНТ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ - /СЕРИКОВ/

Верно: *А. С. Сериков*